DOI: 10.26907/2074-0239-2019-57-3-161-167
УДК 82-312.1(73)

ВИТГЕНШТЕЙНОВСКИЙ КОНТЕКСТ РАЗМЫШЛЕНИЙ О ПРОБЛЕМЕ ДРУГОГО В ФИЛОСОФСКИХ РОМАНАХ Д. Ф. УОЛЛЕСА

© Алла Никулина

WITTGENSTEINIAN CONTEXT OF CONSIDERING THE PROBLEM OF THE OTHER IN D. F. WALLACE'S PHILOSOPHICAL NOVELS

Alla Nikulina

The article deals with the philosophical background of David Foster Wallace's considerations of the Other as a philosophical notion. The writer explores human alienation in the modern technological era, the loss of individuality and inability to communicate as the most acute problems of the day. Working in the genre of the philosophical novel, Wallace intends to study the problem from an intellectual point of view, constructing the inner world of his books in accordance with the key ideas gleaned from his professional occupation in philosophy. One of the most profound influences on his works comes from Wittgenstein's philosophy. His novels, "The Broom of the System" and "Infinite Jest", are based on Wittgenstein's concept of reality as a linguistic construction that strips people of their freedom and prevents them from getting in touch with the surrounding objects. At the same time, both novels are directed against solipsism that Wallace regards as the most dangerous consequence of the theory. The research demonstrates that while in his early novel, "The Broom of the System", the writer hopes to find the solution to the problem of disconnection with the outer world through establishing self-identity in opposition to the Other, the later novel, "Infinite Jest", poses the necessity of building relationships with the Other as a condition for preserving one's own identity.

Keywords: David Foster Wallace, philosophical novel, Wittgenstein, "The Broom of the System", "Infinite Jest".

В статье рассматриваются философские истоки обращения Дэвида Фостера Уоллеса к проблеме Другого. Внутренняя потерянности человека в условиях современной технологической цивилизации, утрата подлинно личностного, неспособность к коммуникации изображаются писателем как знаковые проблемы эпохи. В качестве автора философского романа Уоллес стремится прежде всего исследовать данное явление с интеллектуальной точки зрения, выстраивая художественный мир произведений в соответствии с ключевыми идеями, почерпнутыми из профессионального занятия философией. Существенное влияние на формирование убеждений писателя оказало его увлечение философией Витгенштейна. Оба законченных романа Уоллеса «Швабра системы» и «Бесконечная шутка» сознательно выстраиваются автором с опорой на витгенштейновскую концепцию реальности как лингвистического конструкта, лишаяющего человека свободы и препятствующего ему в познании окружающего мира. Однако при этом оба произведения направлены против солипсизма, рассматриваемого писателем как наиболее опасное последствие принятия данной концепции. Проведенное исследование показывает, что если в раннем романе «Швабра системы» Уоллес ищет ключ к решению проблемы утраты связи с большим миром в обретении самоидентичности через борьбу с влиянием Другого, то в более позднем романе «Бесконечная шутка» в центре внимания оказывается, напротив, проблема выстраивания отношений с Другим как залог сохранения собственной идентичности.

Ключевые слова: Дэвид Фостер Уоллес, философский роман, Витгенштейн, Швабра системы, Бесконечная шутка.

Дэвид Фостер Уоллес (1962–2008) является одним из наиболее значимых представителей философского романа в американской литературе конца XX века. Он получил профессиональное философское и филологическое образование,

на протяжении жизни интересовался широким кругом вопросов от математических проблем до специфики массовой культуры, и все это разнообразие тем нашло отражение в его художественном творчестве. Известность принесло ему

уже первое крупное произведение – «Швабра системы» («The Broom of the System», 1987), но наиболее значительным его сочинением считается второй роман – «Бесконечная шутка» («Infinite Jest», 1996). Именно эти два произведения выступают объектом исследования в данной статье, поскольку, во-первых, в них наиболее полно и ярко представлены особенности мировидения писателя, и во-вторых, через сопоставление их проблематики представляется возможным наглядно проследить направление эволюции его творческой мысли.

Проблема взаимоотношений с Другим, выступающая одной из знаковых проблем для западной культуры XX столетия, всегда глубоко волновала Уоллеса. Ряд исследователей связывает это с попытками автора преодолеть трудности в собственной жизни: известно, что писатель страдал от постоянных приступов депрессии, аналогичной описываемой им в романе «Бесконечная шутка», когда человек оказывается настолько парализован неизъяснимым ужасом и страхом перед действительностью, что оказывается неспособен думать ни о чем, кроме собственных невыносимых ощущений [Wallace, 2006, с. 651]. «Коротко говоря, Дэйва как человека и писателя мысль о сознании, полностью сконцентрированном на самом себе, ужасала и притягивала»¹, – цитирует Дж. Райерсон высказывание близкого друга Уоллеса Марка Костелло [Ryerson]. Дж. Франзен, также знавший Уоллеса лично, в своей статье называет его «пожизненным заключенным на острове собственной личности (a lifelong prisoner on the island of himself)» [Franzen].

Очевидно, однако, что проблема, поднимаемая Уоллесом, оказывается гораздо шире попыток решить сугубо личные проблемы. Неспособность выстраивать полноценную коммуникацию, замкнутость в мире собственных переживаний и страхов, несомненно, видится автору как одна из центральных проблем всей современной технологической эпохи. Не случайно с этой проблемой сталкиваются практически все значимые герои произведений Уоллеса. Неудачи, вынесенные К. Хэйс-Брейди в заголовок ее монографии «Неописуемые неудачи Дэвида Фостера Уоллеса» [Hayes-Brady], – это прежде всего неудачи в общении, испытываемые персонажами, созданными писателем: по убеждению автора исследования, «связь между индивидуумами остается центральной темой его художественных и политических проектов». Повышенное внимание к про-

блеме взаимоотношений между индивидами в произведениях Уоллеса отмечают многие критики. Так, например, Б. Фест полагает, что в основе художественного замысла романа «Швабра системы» лежит «систематическая неспособность к коммуникации» [Fest, с. 287]. Р. Поттс характеризует «Бесконечную шутку» как «роман о множестве барьеров – психологических, социально-экономических, технологических, культурных, философских – между человеком и „другими“» [Potts].

Задача поиска самоидентичности через осознание своих отношений с Другим стоит перед многими героями романов Уоллеса. При этом самоидентичность не имеет ничего общего с эгоизмом: напротив, концентрация на собственных ощущениях и нежелание замечать проблемы окружающих всегда подвергаются автором жесткой критике как в публицистике, так и в художественном творчестве. Чаще всего данная особенность произведений писателя рассматривается исследователями как проявление «новой искренности», понимаемой как возвращение к традиционным моральным и культурным ценностям в завершении эпохи постмодернистского ценностного релятивизма [Kelly, с. 131]. Р. Болджер, с другой стороны, акцентирует «религиозный» аспект описываемого, «путь от себя к Богу», который читатель должен пройти вместе с автором [Bolger, с. 33]. Однако Уоллес выступает прежде всего писателем-философом: в его романах идеи приобретают особую ценность и становятся подлинными «героями» повествования. Проблема восприятия Другого и выстраивания отношений с ним также воспринимается Уоллесом как большая философская проблема, требующая глубокого интеллектуального анализа, поэтому, с нашей точки зрения, необходимо прежде всего обратить внимание на философские истоки размышлений писателя, нашедших отражение в особенностях построения сюжета и персонажной сферы его романов.

Существенное влияние на формирование идей писателя оказало его увлечение философией Витгенштейна. По его собственному признанию, ранний Витгенштейн периода «Логико-философского трактата» с его четкой математически выверенной логикой мысли сначала казался ему ближе [Ryerson]. Но при этом Уоллес не мог не видеть главную проблему, которая с очевидностью выступала как следствие подобного мировосприятия, а именно: абсолютный солипсизм [Conversations, р. 44]. Даже если признать объективное существования мира как системы фактов, с утверждения чего начинается «Трактат» [Витгенштейн, с. 5], человек на самом деле

¹ Здесь и далее перевод всех цитируемых англоязычных источников выполнен автором статьи.

не может достоверно знать ничего, кроме себя, воспринимающего эти факты. Слова выступают простым «миметическим» отражением тех объектов, которые человек наблюдает, но он не может видеть ничего дальше внешней оболочки вещей и явлений, не может знать «вещи в себе», другого человека, сути мира; именно поэтому, с точки зрения Витгенштейна, этика и метафизика в их существующей форме представляют собой не более чем набор неправильно употребленных слов.

Следовательно, Другой как личность, обладающая внутренним миром и духовными характеристиками, в данной системе координат практически перестает существовать. Именно об этом говорит один из персонажей романа «Швабра системы» – ЛаВаш, обращаясь к главной героине – Ленор. Эта сцена не случайно оказывается кульминацией первой части произведения, поскольку ЛаВаш, один из основных персонажей-идеологов в книге, объясняет идею, которая должна определять большинство сюжетных ходов и поведение персонажей в данном философском романе. На примере забавного брადобрее из детской игры и бабушки Ленор, главной последовательницы философии Витгенштейна в романе, ЛаВаш, развивая и иллюстрируя положения философа о том, что «мир является моим миром» и «границы особого языка (того языка, который мне только и понятен) означают границы моего мира» [Витгенштейн, с. 56], внешне логично доказывает, что Другого просто не существует, что субъект и объект в мире витгенштейновской мысли оказываются в итоге полностью идентичны.

Характерно, что в художественном мире романа «я» поглощает «не-я» не только в абстрактно-философском смысле, но и в буквальном, физическом: бабушка в качестве интеллектуальной наставницы последовательно и целенаправленно подчиняет Ленор себе, лишает ее собственного «я», уничтожает в ней личность. Пафос романа как раз и заключается в осознании Ленор того, что все ее «используют», лишают самости, делая ее частью себя вместо того, чтобы признать в ней Другого: это и уже упоминавшаяся выше бабушка, и друг Ленор Рик Вигорос, стремящийся контролировать каждый ее шаг, и влюбленный в нее Норман Бомбардини, желающий получить ее любой ценой, и ее психотерапевт, который вместо того, чтобы освободить ее от уже имеющихся комплексов, формирует в ней новые. В результате в финале произведения Ленор совершает символическое движение освобождения: принимает собственное решение, разрывает отношения со всем своим прежним кругом общения – причем

как метафорически, уничтожая в своем сознании привычку полагаться на мнение окружающих, так и буквально, перепиливая наручники, которыми Рик в момент решающего объяснения пытается приковать ее к себе, – и уезжает с новым возлюбленным в другой штат. Правда, действительно ли этот шаг размыкает круг вечной зависимости и делает ее «собой», остается в романе иронически недоговоренным, поскольку читатель не может не заметить то, что бабушка, как будто бы бесследно пропавшая в этот период из больницы, на самом деле продолжает издали манипулировать главными персонажами, а новый друг Ленор, говорящий за нее и вместо нее в финальной сцене, тем самым, вероятно, тоже начинает незаметно подчинять ее себе. В этом отношении полностью выйти из мира, созданного нашим языком, разумеется, не представляется возможным. Однако движение Ленор к осознанию своей проблемы и ее относительно успешная попытка обрести самоидентичность в противостоянии своей семье оказываются несомненно важными в художественном замысле романа.

Таким образом, проблема определения «себя» и «другого» и установления отношения между ними находится в центре внимания писателя с самого начала его литературного творчества. Норман Бомбардини, один из персонажей романа «Швабра системы», формулирует эту проблему предельно заостренно, когда говорит об «огромных пустых одиноких пространствах», обнаруживающихся между «я» и «другим» (Self and Other) и невозможности их преодоления в обыденной жизни [Wallace, 2004, с. 90]. Отчаяние, порожденное этим открытием, приводит его к совершенно гротескному решению преодолеть разрыв, заполнив всю вселенную собой в прямом, физическом смысле: поедая окружающий мир и вырастая в размерах. Но грустная ирония в данном случае заключается в том, что и все остальные, казалось бы, более трезвомыслящие персонажи романа делают практически то же самое: «поедают» других, существуют только в мире собственных нужд и представлений, используя окружающих для достижения собственных целей. С этой точки зрения, роман действительно выступает своеобразной иллюстрацией к идее солипсизма раннего Витгенштейна, в философском мире которого подлинный контакт с Другим не может состояться в силу исключительной рациональности и утилитарности этого мира [Никулина, с. 181].

В дальнейшем, однако, Витгенштейн пересматривает многие свои взгляды. В частности, в центре внимания философа в более поздний период творчества оказываются «языковые игры» –

конвенциональные установки, которые все же позволяют людям понимать друг друга. С точки зрения позднего Витгенштейна, мир как таковой человек по-прежнему знать не может; единственное, о чем человек может говорить объективно, – это о том, что он видит и на этом основании полагает существующим; при этом ключевым словом здесь остается именно слово «полагает», поскольку, как пишет Витгенштейн, «„знание“ и „уверенность“ принадлежат к разным категориям» [Витгенштейн, с. 358]. Однако человек, по крайней мере, может понять других людей, говорящих на одном с ним языке, а это уже в определенной степени преодоление прежнего солипсизма.

Д. Ф. Уоллес в одном из интервью характеризовал движение Витгенштейна от «Трактата» к «Философским исследованиям» как «трагическое падение», «утрату всего внешнего мира», который, будучи, по сути, непознаваемым, окончательно исчезает из поля зрения исследователя. Но в то же время Уоллес называет «Философские исследования» «наиболее понятным и прекрасным аргументом среди всех, когда-либо выдвинутых против солипсизма» [Conversations, с. 44]. По мнению писателя, мы все безнадежно потеряны в этом мире, но, по крайней мере, потеряны все вместе, и это создает условия для возникновения подлинного взаимопонимания.

С годами многие мысли позднего Витгенштейна становятся ближе Уоллесу, что заметно при анализе его второго романа «Бесконечная шутка». Трагическое одиночество, болезненный уход в себя рассматриваются в данном произведении как главная проблема современности. В романе, созданном в начале 1990-х годов, предугадывается ситуация следующих десятилетий, когда каждый человек получает возможность выбирать цифровое развлечение по вкусу, не выходя из дома, и в результате практически теряет связь с внешним миром (в котором страна переживает политическую и экологическую катастрофу) и с другими людьми (поскольку необходимость в непосредственном, «живом» общении исчезает). В глубине души большинство людей в данной ситуации чувствуют себя несчастными и одинокими, но стараются заглушить в себе эти ощущения, подавить внутренний голос и искоренить те последние остатки уникального «я», которые еще пытаются таким образом взывать к человеку. Как следствие, каждый ищет блаженного забытья, понимаемого как личное счастье, что приводит к всеобщему увлечению наркотиками и алкоголем. Центральным символом эпохи в романе становится фильм «Бесконечная шутка», который настолько завораживает зрителя,

что, посмотрев его однажды, человек оказывается не способен думать ни о чем другом, кроме того, чтобы смотреть его снова и снова – до смерти (по аналогии с крысой в известном психологическом эксперименте, которая жмет рычаг удовольствия до полного истощения, забывая есть и пить). Результатом подобного развития общества становится абсолютная потерянности и одиночество людей, что автор символически показывает в ряде знаковых сцен романа, где, даже находясь в непосредственной физической близости друг от друга – на отдыхе в парке, на спортивной тренировке в теннисной школе, – люди остаются отчужденными, полностью замкнутыми в себе. Тот, кто в этой обстановке еще сохранил в себе остатки прежней «человечности», испытывает *тревогу, отчаяние, мучения* [Wallace, 2006, с. 651], но при этом оказывается уже *не способен к эмпатии по отношению к другому* [Там же, с. 696], будучи всецело сосредоточенным на собственных проблемах, отчего ему становится только хуже. Мы видим это в ситуации главных персонажей, Дона Гейтли и Хэла Инканденцы, когда в начале романа оба ищут прибежища в наркотиках, но это в итоге только усиливает чувство одиночества и потерянности вместо того, чтобы спастись от них: из мира забытья приходится возвращаться в реальный мир, который в данных обстоятельствах кажется еще более невыносимым. Этот замкнутый круг солипсизма, сосредоточенности на себе и своих проблемах способен в ближайшей перспективе вести только к смерти: неслучайно сразу несколько персонажей романа пытаются в ходе развития сюжета покончить жизнь самоубийством.

Спасение же в этой ситуации видится автору не в уходе в себя, а напротив, в «выходе из себя», то есть обращении к Другому. Уоллес пишет, что все в глубине души жаждут отдать себя чему-то, поскольку в этом заключается суть человеческой природы, но, к сожалению, не всегда находят верную направленность своим стремлениям:

Нам, вероятно, всем просто до смерти хочется полностью посвятить себя чему-то. Богу или сатане, политике или грамматике, топологии или филателии – предмет здесь выступает абсолютно случайным приложением к самому желанию отдаться чему-то безраздельно [Там же, с. 900].

Хэл Инканденца, главный герой романа, ученик элитной теннисной академии, начинает предугадывать значимость движения по направлению к Другому еще задолго до середины романа, когда в речи к своим младшим подопечным говорит, что все они одиноки, но одиноки вместе, и

именно осознание этого единства потенциально способно дать им силы жить [Там же, с. 113].

Единственное спасение от отчаяния, таким образом, – это открытость другому человеку, сопереживание, желание поделиться с ним своими ощущениями и понять его чувства. Дон Гейтли, второй центральный персонаж романа, обнаруживает это раньше Хэла, когда начинает работать в социальном учреждении для реабилитации бывших алкоголиков и наркоманов. Изначально он приходит сюда в качестве санитара совсем не потому, что хочет помогать другим людям, а по необходимости, на период отбывания условного срока по приговору суда. Но ежедневная практика взаимодействия с людьми – такими же несчастными, как он, нуждающимися в помощи и поддержке – оказывает на него глубокое влияние, так же как и регулярное посещение собраний анонимных алкоголиков, куда Дон также начинает ходить по обязанности, не веря в результат, однако в скором времени с удивлением обнаруживает, что его жизнь действительно начинает меняться, становится более осмысленной, его не тянет больше к алкоголю и наркотикам, потому что нечто другое заполнило прежнюю пустоту его существования – жизнь с людьми и для людей. Здесь важно подчеркнуть, что речь идет именно не о жизни ради осуществления высокой абстрактной идеи служения людям – абсолютных метафизических идей в витгенштейновском мире просто нет, – а о повседневной осмысленной деятельности, направленной на достижение конкретного практического результата здесь и сейчас.

В ту же сторону движется в сюжете романа и Хэл. Осознав бездну, в которую его толкают наркотики, он впервые открыто заговаривает о своих проблемах и мучениях выбора с братом Марио. Ключевое значение этого эпизода поясняется в романе устами Марио, который в ответ на отчаянную реплику Хэла (*Скажи же, что мне делать*) отвечает: *Мне кажется, ты уже сделал главное* [Там же, с. 785] – то есть сам акт обращения к другому человеку, ощущение необходимости поделиться с ним своей проблемой рассматривается здесь как шаг к началу морального выздоровления.

Значимым символом, раскрывающим авторскую точку зрения на проблему отношения с Другим в романе, выступает один из фильмов Джеймса Инканденцы, отца Хэла, известного своими необычными режиссерскими решениями. Фильм «Прощание с чиновником» (*Bye-Bye to Bureaucrat*), превратно истолкованный публикой как сатира на религию и церковь мормонов, не случайно является любимым фильмом Марио –

главного выразителя авторских идей в романе, а также становится ближе и понятнее Хэлу по мере внутреннего развития последнего: фильм заставляет задуматься об этической основе человеческих взаимоотношений (вероятно, поэтому фильм является практически полностью немым, поскольку, по Витгенштейну, этическое не поддается выражению словами). Центральный персонаж этого короткометражного фильма, офисный служащий, регулярно опаздывает на работу и получает последнее предупреждение от начальника: при следующем опоздании он будет уволен. На следующее утро, в силу непредсказуемого стечения обстоятельств, он снова оказывается на грани опоздания; в последние секунды он еще надеется успеть вскочить в отправляющуюся электричку, но при этом сбивает с ног стоящего на платформе маленького мальчика. В короткий момент, когда герой должен сделать выбор между мальчиком, беспомощно лежащим в окружении рассыпавшегося содержимого его пакета с рождественскими подарками, и электричкой, двери которой вот-вот закроются, описание мятущегося взгляда, отражающего внутреннюю потерянность и раздвоенность сознания центрального персонажа напоминает то, что прежде в сюжете романа характеризовало людей, посмотревших фатальную видеокассету и утравших внутреннее «я»:

Полубезумный взгляд чиновника в фильме мечется туда-сюда – от открытых дверей электрички к малышу, который пристально смотрит на него, как будто в ожидании, своими большими влажными глазами за линзами очков. <...> Поза чиновника обращена прочь от ребенка, он стремится к дверям электрички, как будто вся его внутренняя сущность требует, чтобы он бежал туда. Но он продолжает смотреть на малыша, подарки, борясь с собой. Это ясно представленный момент внутреннего конфликта в душе персонажа <...> [Там же, с. 688].

Но в итоге герой фильма оказывается в состоянии сделать выбор:

Глаза чиновника внезапно возвращаются в нормальное положение. Он отворачивается от сияющих дверей и склоняется над малышом, спрашивает, все ли с ним в порядке, и говорит, что все будет в порядке [Там же, с. 688].

Состояние, однозначно определенное в данном эпизоде как «нормальное», – это, как мы видим, открытость другому человеку, внимание к нему. Электричка в это время, разумеется, уходит, и чиновник в конце фильма показан удаляющимся с платформы навстречу своему «онтологическому уничтожению» (поскольку слово

«увольнение» ‘termination’ на офисном языке, как до этого комментировал автор, синонимично философскому понятию «ontological erasure» [Там же, с. 687]). Однако потеря мира большого, внешнего, онтологического, с точки зрения Уоллеса, компенсируется (не в равнозначном математическом, разумеется, но исключительно в моральном плане) сохранением связи между людьми, эмпатией, взаимной поддержкой.

Таким образом, влияние философии Витгенштейна на формирование художественного мира романов Уоллеса и, в частности, на его восприятие проблемы Другого заметно на протяжении практически всего его творческого пути. Однако если в первом романе «Швабра системы» автор был в первую очередь озабочен проблемой обретения самоидентичности через борьбу с влиянием Другого, то в более позднем романе «Бесконечная шутка» в центре его внимания оказывается, напротив, проблема выстраивания отношений с Другим как залог сохранения собственной человеческой сущности.

Список литературы

Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I / Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. 612 с.

Никулина А. К. От Витгенштейна до Хайдеггера: философский роман Дэвида Марксона «Любовница Витгенштейна» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 52. С. 177–188.

Bolger R. K. A less “bullshitty” way to live: the pragmatic spirituality of David Foster Wallace // *Gesturing toward reality: David Foster Wallace and philosophy* / ed. by R. K. Bolger and S. Korb. New York: Bloomsbury, 2014. P. 31–51.

Conversations with David Foster Wallace / ed. by S. J. Burn. Jackson: University Press of Mississippi, 2012. 181 p.

Fest B. J. «Then out of the rubble»: the apocalypse in David Foster Wallace’s early fiction // *Studies in the novel*. Vol. 44. No. 3. Part I (Fall 2012). P. 284–303.

Franzen J. Father away: Robinson Crusoe, David Foster Wallace, and the island of solitude. *The New Yorker*. 2011. April 18. URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2011/04/18/farther-away-jonathan-franzen> (дата обращения: 18.04.2019).

Hayes-Brady C. The unspeakable failures of David Foster Wallace: language, identity, and resistance. New York, London: Bloomsbury, 2016. 232 p.

Kelly A. David Foster Wallace and the new sincerity // *Consider David Foster Wallace: critical essays* / ed. by D. Hering. Los Angeles, Austin: Sideshow Media Group Press, 2010. P. 131–146.

Potts R. Infinite jest at 20 // *The Times Literary Supplement*. 2016. February 23. URL: [https://www.the-](https://www.the-tls.co.uk/infinite-jest-at-20/)

[tls.co.uk/infinite-jest-at-20/](https://www.the-tls.co.uk/infinite-jest-at-20/) (дата обращения: 18.04.2019)

Ryerson J. Philosophical sweep. URL: http://www.slate.com/articles/arts/culturebox/2010/12/philosophical_sweep.html (дата обращения: 12.03.2019).

Wallace D. F. *The broom of the system*. New York: Penguin Books, 2004. 467 p.

Wallace D. F. *Infinite jest*. New York: Back Bay Books, Little, Brown and Company, 2006. 107 p.

References

Bolger, R. K. (2014). *A Less “Bullshitty” Way to Live: The Pragmatic Spirituality of David Foster Wallace*. *Gesturing Toward Reality: David Foster Wallace and Philosophy*. Ed. by R. K. Bolger and S. Korb. Pp. 31–51. New York, Bloomsbury. (In English)

Conversations with David Foster Wallace (2012). Ed. by S. J. Burn. 181 p. Jackson, University Press of Mississippi. (In English)

Fest, B. J. (2012). “Then Out of the Rubble”: *The Apocalypse in David Foster Wallace’s Early Fiction*. *Studies in the Novel*. Vol. 44. No. 3, Part I, pp. 284–303. (In English)

Franzen, J. (2011). *Father Away: Robinson Crusoe, David Foster Wallace, and the Island of Solitude*. *The New Yorker*. April 18. URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2011/04/18/farther-away-jonathan-franzen> (accessed: 18.04.2019). (In English)

Hayes-Brady, C. (2016). *The Unspeakable Failures of David Foster Wallace: Language, Identity, and Resistance*. 232 p. New York, London, Bloomsbury. (In English)

Kelly, A. (2010). *David Foster Wallace and the New Sincerity*. *Consider David Foster Wallace: Critical Essays*. Ed. by D. Hering. Pp. 131–146. Los Angeles, Austin, Sideshow Media Group Press. (In English)

Nikulina, A. K. (2018). *Ot Wittgensteina do Heideggera: filosofskij roman Davida Marksona “Lyubovnitza Wittgensteina”* [From Wittgenstein to Heidegger: David Markson’s Philosophical Novel “Wittgenstein’s Mistress”]. *Tomsk State University Journal of Philology*. No. 52, pp. 177–188. (In Russian)

Potts, R. (2016). *Infinite Jest at 20*. *The Times Literary Supplement*. February 23. URL: <https://www.the-tls.co.uk/infinite-jest-at-20/> (accessed: 18.04.2019). (In English)

Ryerson, J. (2010). *Philosophical Sweep*. URL: http://www.slate.com/articles/arts/culturebox/2010/12/philosophical_sweep.html (accessed: 12.03.2019). (In English)

Wallace, D. F. (2004). *The Broom of the System*. 467 p. New York, Penguin Books. (In English)

Wallace, D. F. (2006). *Infinite Jest*. 1079 p. New York, Back Bay Books, Little, Brown and Company. (In English)

Wittgenstein, L. (1994). *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Part I. Transl. from German by M. S. Kozlova and Yu. A. Aseev. 612 p. Moscow, Gnozis. (In Russian)

The article was submitted on 02.07.2019

Поступила в редакцию 02.07.2019

Никулина Алла Константиновна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Башкирский государственный
педагогический университет
им. М. Акмуллы,
450000, Россия, Уфа,
Октябрьской революции, 3а.
alla_nikoulina@mail.ru

Nikulina Alla Konstantinovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Bashkir State Pedagogical University
named after M. Akmulla,

3a Oktyabrskoi Revolutsii Str.,
Ufa, 450000, Russian Federation.
alla_nikoulina@mail.ru